

DOI 10.25991/VRHGA.2021.22.2.029

УДК 930.272

*Эйльбарт Н. В., Гусман Л. Ю., Дружевский А. О.**

**ОТ КОНЦЕПЦИИ «ДВУХ ИВАНОВ»
К ОБРАЗУ ДУШЕВНОБОЛЬНОГО ГОСУДАРЯ:
РОССИЙСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА XIX ВЕКА
ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ**

В статье рассматривается образ Ивана Грозного в публицистических сочинениях XIX века. Авторы исследования обращают внимание на произведения представителей различных политических направлений (славянофилов, западников, народников), придерживающихся в той или иной мере концепции «двух Иванов». В статье также анализируются сочинения профессиональных врачей, интересующихся эпохой и личностью первого русского царя, делаются выводы о перспективах естественных наук в деле дальнейшего их изучения.

Ключевые слова: Иван Грозный, публицистика, западники, славянофилы, народники, психика Ивана Грозного.

*Gusman L. Yu., Eylbart N. V., Druzhevsky A. O.
FROM THE CONCEPT OF «TWO IVANS» TO THE IMAGE
OF THE MENTALLY ILL SOVEREIGN: RUSSIAN JOURNALISM
OF THE 19TH CENTURY ABOUT IVAN THE TERRIBLE*

The article examines the image of Ivan the Terrible in publicistic works of the XIX century. The authors of the study pay attention to the works of representatives of various political trends (Slavophiles, Westerners, Narodniks) who adhere to the concept of «two

* Дружевский Антон Олегович — методист II категории научно-образовательного отдела Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина, магистр истории, выпускник РГПУ им. Герцена. adruzhevskij@mail.ru

Эйльбарт Наталия Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до нач. XIX в. института истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена. ejlbart@mail.ru

Гусман Леонид Юрьевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и философии Государственного университета аэрокосмического приборостроения. blummer@mail.ru

Ivans»to some extent. The article also analyzes the works of professional doctors interested in the era and personality of the first Russian tsar, and draws conclusions about the prospects of natural sciences in their further study.

Keywords: Ivan the Terrible, journalism, Westernizers, Slavophiles, Narodniks, the psyche of Ivan the Terrible.

Противоречивые до полной полярности взгляды на правление и на самую личность царя Ивана Грозного, свойственные еще его современникам [7,11], приобретали все новые штрихи и оттенки сообразно сменяющим друг друга эпохам, развитию социальных и естественных наук и тем вызовам, которые получало в этой связи российское общество. Бурный XIX век, породивший множество общественно-политических движений, исторических школ и даже отдельных научных направлений, не поставил, однако, точку в спорах о Грозном, а лишь обострил и усилил их, в какой-то мере даже породив больше неизвестных составляющих в этой проблеме. С одной стороны, благодаря трудам Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, публикации Полного собрания русских летописей археографической комиссией, этнографическим исследованиям (изучению народных песен), переводу на русский язык записок иностранцев о России накопился огромный фактический материал. С другой стороны все вышеперечисленные источники систематизировались и анализировались лишь немногими профессиональными историками, публицистике же оставалась в данном случае компиляция или построение концепций на основе введенного предшественниками в научный оборот материала. В настоящей статье мы целенаправленно рассматриваем публицистические работы о Грозном, авторы которых принадлежали к разным общественно-политическим течениям.

Для принятой в то время в российской исторической науке «концепции двух Иванов», сформулированной в основе своей Н. М. Карамзиным, был характерен постулат о том, что примерно до 1560 года царь обладал задатками прекрасного государя-реформатора и семьянина, но позже, психически сломленный смертью первой жены Анастасии и изменами окружения, приобрел все те негативные качества, которые и превратили его в жестокого тирана. Сравнивая правление Ивана IV с правлением его современника, английского короля Генриха VIII, можно и к Грозному отнести слова, некогда произнесенные в адрес короля соотечественником: «В первую половину царствования он был кроток, как ягненок, во вторую — яростен, как лев». Эта двойственная позиция претендовала на объективность и, по сути, была удобна всем: славянофилам, западникам, народникам и пр. Вынести царю «последний приговор» мыслящая общественность не решалась, о чем очень ярко сказал поэт А. Н. Майков в стихотворении «У гроба Грозного»:

Средь царственных гробов в Архангельском соборе
На правом клиросе есть гроб. При гробе том
Стоишь невольню ты с задумчивым челом
И с боязливою пытливостью во взоре...
Тут Грозный сам лежит!.. Последнего суда,
Ты чуешь, что над ним судьба не изрекала;
Что с гроба этого тяжелая опала

Еще не снята; что, быть может, никогда
На свете пламенной души не появлялось...
Она — с алчбой добра — весь век во зле терзалась,
И внутренним огнем стгорел он... До сих пор
Сведен итог его винам и преступлениям;
Был спрос свидетелей; поставлен приговор, —
Но нечто высшее всё медлит утвержденьем,
Недоумения толпа еще полна,
И тайной облечен досель сей гроб безмолвный... [5].

Известный славянофил и философ А. С. Хомяков в статье «Тринадцать лет царствования Ивана Васильевича» называет царя «грозным» и следуя «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, выделяет в правлении его два этапа: один сугубо положительный и успешный, второй неудачный и кровавый. С восхвалением пишет он о принятии Судебника в 1550 году, созыве Земского собора, успешном управлении с помощью верных подданных, покорении Казани и утверждает, что гармония в государстве бывает тогда, когда царь слушает советов «мудрых подданных», часто собирает Земский собор. Все жестокости Грозного, многочисленные казни А. С. Хомяков считает последствиями его несчастного детства, лишённого заботы и любви. Для него царь идеал, предмет для подражания: «Кроток и милостив, незлопамятен, немстителен, правдолюбив, враг всякой неправды, правосуден к боярам и отец для своего народа — таков был Иван Васильевич в продолжение 13 лет. И было на России благословение Божие, и глубокая, искренняя, несказанная любовь народа платила царю за его добрые дела» [9]. Через весь текст проходит идея знаковости числа 13 для русского государства, по-видимому, автор увлекался модной в то время нумерологией. А. С. Хомяков пытался создать целостную картину того времени, но у него получился царь, которого безумно любил народ, но восставал против него, и царь, благочестивый и преданный народу, но лишённый чувства любви к нему же.

Помимо славянофилов Грозным интересовались и западники. Ярким их представителем был К. Д. Кавелин, который в статьях «Взгляд на юридический быт Древней России» и «Мысли и заметки из русской истории», обращаясь к личности Ивана Грозного, привлекал сочинение Н. М. Карамзина. По его мнению, Петр I — продолжатель дела Ивана Грозного. Царь представлен как человек, который не смог победить патриархальную среду, из-за этого стал «ханжой, тираном и трусом» [3], некоей жертвой обстоятельств и жестокой эпохи. К. Д. Кавелин сравнивал внука и деда: Ивана III с Иваном IV — и будучи профессиональным юристом считал, что Судебник 1550 года стал продолжением Судебника 1497 года. Он наметил дальнейшие перспективы исследования эпохи Ивана Грозного: необходимость скрупулезной критики источников, всеобъемлющего их анализа, перепроверки свидетельств иностранцев и пр., однако в дальнейшем сам к образу Ивана Грозного не обращался.

Книга теоретика народничества Н. К. Михайловского «Иван Грозный в русской литературе» была издана в 1894 году, но написана за два года до этого и являлась солидным обобщающим трудом, включающим в себя почти столетнюю историю русской общественно-политической мысли применительно

к этому государю. Не будучи профессиональным историком, автор сделал попытку попробовать понять, каким царь был «на самом деле», сравнивал позиции различных исследователей и на основании этого пришел к выводу: «Выходит такая длинная галерея портретов, что прогулка по ней в конце концов утомляет. Утомление тем более понятно, что, хотя со всех сторон галереи на вас смотрят изображения одного и того же исторического лица, но вместе с тем, лицо это в столь разных видах представляется, что не единым человеком является» [6]. В конце концов, Михайловский пришел для себя к выводу, что никогда не удастся установить, каким «на самом деле» был царь Иван Грозный, так как от него нас отделяют столетия, а источников того времени «сохранилось не очень много». Однако принимая во внимание тиранию Ивана, то, что «жестокость к государю перешла от отца и деда», он адресовал последнее слово в этом вопросе к профессиональным психиатрам, о чьем мнении мы еще скажем ниже. Сочинение Н. К. Михайловского является важным в понимании развития образа царя в литературе, так как в нем привлечены почти все имеющиеся на тот момент источники; проведен анализ работ историков о царе; автор пишет живым языком, из чего видно, что личность Грозного, которую он тщательно исследовал, волновала его до глубины души.

Не ставя здесь перед собой задачу охарактеризовать все публицистические произведения, транслирующие концепцию «двух Иванов», упомянем, что к этой теме обращался К. С. Аксаков («Об Иване Грозном»), И. В. Беляев («Царь и великий князь Иоанн IV Васильевич Грозный, Московский и всея Руси»), В. Г. Величкин («Покорение Казани московским царем Иваном Васильевичем Грозным»), Е. А. Тихомиров («Первый царь московский Иоанн IV Васильевич Грозный»), Е. А. Соловьев («Иоанн Грозный. Его жизнь и государственная деятельность») и др. Наряду с выдающимися произведениями русской художественной литературы, такими как «Князь Серебряный» А. К. Толстого или «Кудеяр» Н. И. Костомарова, в большом количестве издавались и весьма посредственные, такие как историческая повесть Н. И. Фомина «Достопамятный брак царя Иоанна Васильевича Грозного» [8]. О последней, как, впрочем, и обо всей массе подобной литературы довольно резко высказался критик В. Г. Белинский: «Странная вещь! Как московские литераторы, прославившиеся истинными талантами, превосходят петербургских, пользующихся там большим авторитетом, так мелкие литературные промышленники Петербурга превосходят свою московскую собратию по ремеслу!.. Изделия наших дюжинных производителей вечно являются нечесанными, неумытыми, без грамматики, без смысла; петербургские же всегда опрятны, красивы всегда с грамматикою (верно, по милости хороших корректоров). Но в этом и вся их разница; во всем остальном они одинаковы. Поименованная историческая повесть есть не иное что, как скучная диссертация о детстве Иоанна Грозного, выбранная или, лучше сказать, выбранная из «Истории» Карамзина» [1].

Психиатрия как наука в ее современном виде зарождается в XIX веке и занимает методы как из гуманитарных, так и из естественных наук. Возникает интерес к психическому здоровью, размеру мозга выдающихся личностей и, конечно, Иван Грозный не миновал участи быть исследованным и под этим углом зрения.

Врач, историк русской медицины Я. А. Чистович написал в 1882 году книгу «История первых медицинских школ в России», в которой он прослеживал становление госпитального дела в государстве. Исследование содержит большое количество приложений, одно из которых посвящено царю Ивану Грозному («Душевная болезнь царя Ивана Васильевича Грозного»). Автор опирался только на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, не используя других источников, что по сути своей, ставит его выводы под сомнение. Я. А. Чистович разделял «концепцию двух Иванов», но объяснял ее психическими отклонениями в здоровье государя. Автор считал, что царь заболел не сразу, а после смерти Анастасии Романовой, в 1560 год и поставил государю свой неутошительный диагноз: «Одержимость неистовым умопомешательством, вызванным и поддерживавшимся яростным сладострастием и распутством» [10]. Из этого следует, что Иван Васильевич был неадекватен, следовательно, не мог нести ответственности за то, что происходило в период его правления, являлся жертвой собственной болезни. Я. И. Чистович, как врач и как гражданин жалел самодержца, который для него по его словам «не более чем пациент», то есть Иван Грозный «более несчастный по болезни, чем злой по природе своей» [10]. Версия эта для своего времени являлась новаторской, но с точки зрения исторической науки дилетантской, так как выводы доктор сделал на основании очень ограниченного круга свидетельств. Кроме того, здоровье, особенно психическое, является уникальной способностью каждого человека, и заочная постановка диагноза возможна лишь в случаях исключительных.

В январе 1894 года вышла книга историка и психиатра П. И. Ковалевского «Иоанн Грозный и его душевное состояние. Психиатрические эскизы из истории» [4]. На наш взгляд она содержала более обстоятельный и обоснованный анализ психики царя. Работа состоит из двух частей: 1. Вырождение; 2. Иоанн Грозный. В первой части автор рассматривал психические заболевания, которые являются причиной отклонения в поведении людей. Вторая часть посвящена жизни и деятельности государя. При написании этого труда автор пользовался большим объемом источников: русскими историческими песнями; сочинениями Н. И. Костомарова, Н. М. Карамзина, Н. Н. Фирсова, Н. А. Полевого, Д. И. Иловайского, К.С. Аксакова, С. М. Соловьева; письмами русских царей, свидетельством А. Поссевино, русскими летописями и пр. Автор указывал на причины жестокости царя — неблагоприятный нравственный климат в семье и плохую наследственность со стороны его матери, отца и деда. Автор продолжал развивать версию Я. А. Чистовича и относится к царю не как к государственному деятелю, а как к пациенту, который болен: «...от природы нервнонеустойчивый, впечатлительный и раздражительный человек, унаследовавший жестокость и бессердечие от своих предков, постепенно развивал в себе жестокосердие и кровожадность: сначала на животных, потом на низшем классе людей и наконец на боярах и вельможах» [4, с. 77]. Врач ставит царю диагноз психического заболевания (паранойя или мономания), которое с годами прогрессировало. Иван Грозный, как пишет автор, был склонен к «дегенератству», т. е. вырождению рода, поскольку подавляющее большинство психических заболеваний носят наследственный характер (наука о наследственности в то время еще только зарождалась и П. И. Ковалевский,

не владеющий в должной мере ее достижениями, не смог сделать здесь каких-то серьезных выводов). Следовательно, по причине болезни государь не был ни выдающимся политиком, ни государственным деятелем, ни талантливым писателем, а человеком, который в силу своей болезни и слабости не мог принимать самостоятельные решения и полностью опирался на свое окружение. Его нравственные качества видоизменялись под воздействием того, кто его окружал. П. И. Ковалевский утверждал, что царь применял различные жестокие казни над подданными во время опричнины, так как людям с такой болезнью доставляет удовольствие мучить других. Но в отличие от многих психических больных у царя был сохранен интеллект: «Обладая острым, но не устойчивым умом Иоанн обладал еще большей фантазией, богатой игрой воображения» [4, с. 81]. На наш взгляд, сочинение П. И. Ковалевского является важным этапом в развитии представления о личности Ивана Грозного и примером того, как естественнонаучные методы исследования помогают гуманитарным методам и позволяют приблизиться к истине.

В целом необходимо констатировать, что на протяжении всего XIX века в российской публицистике существовала широкая амплитуда оценок деятельности Ивана Грозного — наряду со сторонниками концепции «двух Иванов» наиболее ярко выраженной в «Истории государства российского» Н. М. Карамзина, существовали и многочисленные оппоненты такого воззрения — как апологеты, так и безоговорочные обличители личности Ивана Васильевича. Для тех, кто идеализировал государя, так и для тех, кто его клеймил, Царь был только один и не раздваивался на «хорошего» реформатора и «плохого» опричника. С другой стороны, впервые личность Грозного была рассмотрена, что называется «под большим увеличением», с точки зрения психиатрии, и на наш взгляд именно это и стоит считать, наряду с сочинениями профессиональных историков, основным достижением в изучении царя за данный период. И если говорить о дне сегодняшнем, то по нашему мнению для составления «документального портрета» Ивана Грозного необходимо вернуться к той отправной точке, с которой начинали А. Я. Чистович и П. И. Ковалевский, линию от которой продолжил М. М. Герасимов изучением останков государя в 1963 году [2]. Именно не использованные в полной мере до настоящего времени достижения естественных наук дадут обильную пищу для «дополненного» портрета царя, а соответственно и для оценки его правления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. ПСС, Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. — С. 171.
2. Герасимов М. М. Документальный портрет Ивана Грозного // «Краткие сообщения института археологии Академии Наук СССР». — 1965. — Вып. 100. — С. 139–142.
3. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт Древней России // Царь Иван IV Грозный. Самодержавный и самовластный. Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки... Изд. Подг. С. В. Перевезенцев. — М.: Русский мир, 2005. — С. 489.
4. Ковалевский П. И. Иоанн Грозный и его душевное состояние. Психиатрические эскизы из истории. — М., 2012.

5. Майков А.П. У гроба Грозного // Русский вестник. — 1888 — № 5. — С. 116.
6. Михайловский Н. К. Критические опыты. — Спб.: тип. Б. М. Вольфа, 1895. — С. 9.
7. Мутья Н. Н. Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. — Спб.: Алетейя, 2010.
8. Фомин Н. И. Достопамятный брак царя Иоанна Васильевича Грозного. -М.: Книга по Требованию, 2012. — С. 27.
9. Хомяков А. С. Тринадцать лет царствования Ивана Васильевича// Иоанн Грозный. Антология. — М.:2004. — С. 328.
10. Чистович Я. И. История первых медицинских школ в России. — СПб.: Тип. Якова Грея, 1883. — С. 720.
11. Эйльбарт Н. В. Кандидатура Ивана Грозного на трон Речи Посполитой в польских политических памфлетах времен первой «вольной элекции» (1572–1574) // Genesis: исторические исследования. — 2020. — № 3. — С. 93–103.